

ПРЕДАНИЯ О КЛАДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПсковГУ)

В статье представлены результаты анализа общего состава преданий о кладах, записанных в период с 1977 по 2011 гг. в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета Псковского государственного университета и сосредоточенных в фондах фольклорного архива университета. Особое внимание уделяется преданиям о «зачарованных» кладах: выявлена система их устойчивых мотивов, способы и места захоронения кладов, представления об их хозяевах, традиционный круг оберегов, способы взятия клада и круг образов, в которых «зачарованный» клад может явиться человеку.

Ключевые слова: предание, предание о кладе, мотив, фольклорный текст, «зачарованный» клад.

L. A. Kazakova

THE TRADITION OF THE TREASURE LEGENDS OF THE PSKOV REGION (BASED ON THE PSKOV STATE UNIVERSITY FOLKLORE ARCHIVE)

The article presents the results of the analysis of the general structure of treasure legends recorded between 1977 and 2011 during the folklore expeditions of the Philology Faculty of Pskov State University and concentrated in the collections of the folklore archives of the University.

Special attention is paid to the legends of the «enchanted» treasures: the author identifies the system of their stable motives, burial methods and places, their hosts' images, the traditional circle of charms, ways to take the treasure out and the range of images in which the «enchanted» treasure can appear in front of the man.

Key words: tradition, treasure legend, motive, folk lyrics, «enchanted» treasure

Значительный раздел народной несказочной прозы составляют рассказы о кладах. Их популярность в народной среде обеспечивалась широко распространенным на Руси, засвидетельствованным историческими источниками кладоискательством [2], которое подпитывалось верой в возможность избавления от нужды посредством овладения кладом и опиралось на укорененные в древности представления о скрытых в земных недрах богатствах (В. К. Соколова отмечает, что в наиболее древних преданиях происхождение кладов не объясняется: они «мыслятся как бы исконно хранящимися в земле» [6, с. 189]).

Интерпретации таких рассказов как произведений устной народной словесности посвящено несколько научных работ. Особенно интересны среди них главы монографий В. К. Соколовой, которая на основе широкого сравнительного материала дает характеристику основных разновидностей и сюжетного состава преданий и быличек о кладах, и Н. А. Криничной, которая, кроме того, ставит вопрос об их генезисе [6, с. 188–224; 4, с. 109–118; 1, с. 709–739; 5, с. 1–49]. Обращаясь к данной теме, исследователи неизменно акцентируют внимание на сложностях, возникающих при попытках классификации рассказов о кладах, и обусловленных, в первую очередь, отсутствием четких критериев, которые позволили бы развести быличку и предание. Пытаясь установить эту границу, ученые утверждают, что возможность считать конкретные произведения преданиями «зависит от наличия или отсутствия в них достаточно выраженной исторической основы» [4, с. 109]. Однако материал, с которым они работают, отчетливо демонстрирует, что историческая приуроченность бывает в таких расска-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Русская народная историческая проза Псковской области»), проект № 12–14–60000.

зах достаточно случайной, а переплетение в них реалистической и мифологической традиций заставляет говорить о тесном взаимодействии двух жанров.

В фондах фольклорного архива ПсковГУ нами было выявлено 50 текстов, которые можно считать преданиями о кладях (в шести из них кладовый мотив занимает периферийное положение). Результат их анализа в целом соответствует той картине, которая сложилась на основе изучения общерусского материала.

Редкое из псковских преданий о кладях не включает в себя в качестве сюжетообразующего мотив кладоискания, причем, примерно равное число текстов приходится на предания, в которых кладоискание оказывается успешным (17 текстов) и безуспешным (19 текстов).

Успех кладоискателей во многом определяется свойствами самого клада, отсюда в науке принято деление преданий о кладях на группы. Традиционно выделяют предания о «зачарованных кладях», «о кладях реальных в прямом значении этого слова» и «о «кладах», фактически представлявших собой ценные вещи из погребального инвентаря» [4, с. 109]. Это деление нельзя рассматривать как только внешнее. Свойствами клада часто определяется идейная направленность рассказа и его формальные особенности. Предания последних двух групп обычно представляют собой краткую информацию о том, что в таком-то месте есть или был клад, оставленный определенным лицом, и о попытках его взять. Сюжетно оформленными и в художественном отношении наиболее выразительными являются предания о кладях «зачарованных». Интерес исследователей традиционно обращен именно к ним.

Такие клады понимаются обычно как «положенные кем-либо на определенное количество лет, после чего их можно будет взять» [6, с. 189]. В устойчивых в народе представлениях о том, что клады откроются в назначенный срок, отразилась «мечта о времени, когда у всех будет всего вдоволь» [6, с. 189]. «Это клады положены в старинных, древних людях. [...] Вот на скоко время в них положено, и этот клад должен выйти и тому в руки попасть», — говорит А. М. Логинова из д. Дубново Пыталовского района. Пример показателен и в том отношении, что данный мотив традиционно объединяется с мотивом «предназначенности» клада: «И вот ее и пришел черед [...]. Богатые, трудились, значит, деньги копили, и на кого-то завещали клад, куда-то клали, чтоб не достать. Никому не достать, только тот может достать, на кого он завещан»; «И здесь была такая женщина, которая лечила людей, но вот видите, по всей вероятности, это ей как-то роком было предназначено то, что надо взять»¹.

Широко распространено на Псковщине поверье о том, что клады, которым «пришел срок», сами открываются. Клад, «срок» которого пришел, может явиться человеку во сне: мотив вещего сна встречается в отобранных нами текстах трижды: «В нас Разбойница гора называлась, за этим вот за лесом туды. А там эти-то разбойники-то жили, так в них очень много было кладов. [...] Так я все говорила всем, теперь-то заросло, а люди видели, что клады появлялись. Однажды, я вам так расскажу, это я даже не с этой женщиной беседала, а уже с ейной.. С этой женщиной беседовала, которая с той деревни, это за Вышегородком деревня, токо забыла, как называется. А им фамилия, даже помню, Пешулины. И вот молодая. Пожилась молодая пара. [...] И ей снится сон. Приходит к ней старичок и говорит [...]»; «Здесь в Замогилье был такой... Колмак называется, фамилия такая — Колмаков. У него был магазин, были пекарни, конюшни там были — вообще, зажиточный парень был. И здесь была такая женщина [...] Звали ее Шоломаха [...] И вот однажды ей приснился сон, что вот «пойди на помойку», туда, где за деревней помойка, и все хорошенько посмотри». Она не знала, зачем она туда идет, эта Соломаха, но она пошла утром. Смотрит: там играют Оли Певцовой дети, играют, поиграли и ушли. Она стала смотреть: эти дети играют с золотом! Золото! Это у Колмака спрятано золото вот туда именно»².

В соответствии с общерусской традицией, клады на Псковщине обнаруживают себя огоньками, когда выходят на поверхность земли «просушиваться» и «очищаться». «А не смотрили, что где клады пересушиваются?» — спросила собирателей А. М. Логинова из д. Дубново Пыталовского района, после чего рассказала предание о старичке, пытавшемся на Иванов день прикурить от золотых монет, принятых им за горящие угли костра; вернувшись

утром на то же место, он обнаружил столько золотых, сколько «углей» отбросил: «Уже не взято туды опять, а клад ушел на свое место»³. Жительница д. Хлеборадово Дедовичского района завершает рассказ о безуспешных попытках взять клад барина ссылкой на поверье: «Говорят, раньше, где клад был, там, мол, огонечек горит»⁴.

В двух из отобранных в фольклорном архиве текстов клад появляется в образе животного. Так, в записанном в Изборске предании на горе с Труворовой могилой, в которой захоронено золото, «бегал белый конь»⁵. По наблюдениям В. К. Соколовой, являющийся в образе животного клад «подходит к человеку, играет с ребенком, просит взять его» [6, с. 192]. Так и в одном из псковских преданий к возвращавшимся с вечеринки девушкам с Разбойной горы сбежала «собачка. Маленькая. Как щенок, [...] и черненькая. Бегит, бегит, бегит. А это действительно: или же к сестры или же к этой девушке. Это действительно бежал клад на них завещан»⁶.

В одном из записанных под Изборском преданий клад дает о себе знать в образе появляющегося раз в сто лет старичка, бегающего вокруг часовни Успения Божей Матери, сооруженной якобы на месте языческого капища, и готового показать, «где клад зарыт»⁷.

Согласно гипотезе Н. А. Криничной, захоронение клада, осмысляемого как сакральный, сопровождалось совершением языческого обряда, включающего само действие, заговор и жертвоприношение. Посредством жертвоприношения «клад обретает душу (дух), а вместе с тем и возможность своего телесного воплощения. Отсюда появление клада в виде того животного или человека, которые были принесены в жертву при его захоронении» [3]. Однако в качестве субъекта действия клад фигурирует уже, как правило, в быличке. Появление кладовой фантастики в предании — свидетельство влияния на него соседнего жанра, яркая образность которого обеспечивает его относительную сохранность в современной псковской деревне и становится тем фондом, из которого черпают вдохновение рассказчики преданий.

В каком бы образе ни появлялся «зачарованный клад», необходимо знать условия, при которых можно его взять. На Псковской земле распространено широко известное русским поверье, что клад нужно ударить поясом, сняв его с себя: в таком случае клад рассыплется деньгами. Но человек, повстречавший клад, как правило, не знает этого, и клад исчезает: «А им что надо было делать? Взять, был у них какой пояс или же не было? На испощку ударить этою собачонку. Они ж этого не знали. И он бы рассыпался потом кладом. Это деньги и рассыпались. И она бы брала. Они не ударили, эта собачонка повертелась, повертелась и убежала». Носителями знания в таких рассказах выступают более опытные люди, как правило, представители старшего поколения: «А она рассказывает-то взрослым, пожилым-то людям, дедушкам. Так ведь те-то говорят: «Так ведь это шел клад, на вас завещанный! Это шел к вам ведь клад! Вам надо было, что у вас было опоясано? На испощку ударить левой рукой, и он бы рассыпался»»⁸.

Многообразие преданий о кладах достигается также за счет изображения оберегов клада, различных по внешним признакам и сходных по функциональному назначению. По мнению Н. А. Криничной, в процессе эволюции такие обереги «трансформировались в маркированные ими места захоронения сокровищ» [3].

Наиболее популярным способом захоронения клада в преданиях фольклорного архива является его погружение в воду, следы культа которой в произведениях данного жанра уже утрачены (это озеро (или место вблизи озера), мочило, расположенное у кладбища, пруд, колодец): «Вот Серебряное озеро у нас тоже, по легенды, по легенды называется «Серебряное». Там, говорят, тоже с серебром. Бочка серебра опущена в какого-то господина»; «И там такое место есть, около кладбища. Вот, примерно, кладбище. Обрыв такой, а тут около кладбища мочило. В этом мочиле, опять же, зарыт бочонок, какой бочонок там, неизвестно. Кто говорит ведра на два, кто на три золота. Кто говорит полный бочонок. [...] ну вот. И даже от этого бочонка, он перевязан золотой цепью, чтоб тащить этот бочонок. Так вот сколько пытались, искали в этом мочиле и никак не найти! Ни цепь не найти, ни бочонок. А он уже положен, видимо, на тысячу лет, на какого человека завещание сделано»⁹.

Клад зарывают и под дерево, некогда интерпретировавшееся в качестве священного. Н. А. Криничная отмечает, что такое дерево «имеет в предании ряд устойчивых признаков»: оно может быть выделено своими размерами, возрастом, местонахождением, отличительными особенностями [4, с. 111]. Выделяющийся сразу по нескольким критериям дуб фигурирует в предании, записанном от А. М. Логиновой: «На этом кладбище стоял дуб. И этому дубу уж больше ста лет было, у него, в дубе этом, такое дупло, что как вот соберутся на кладбище, примерно, в Троицкую субботу, если дождь, в это дупло много заходило народу. А в этом дупле зарыт сундучок с золотом»¹⁰. В других преданиях аналогичную роль играют большая береза или липа, под которой богатые местные жители захоронили свои драгоценности¹¹.

Не менее распространенным является местоположение клада под камнем, столь же необычным, имеющим большой размер и другие отличительные признаки: «Он, наверно, величиной на веранду на нашу, а может быть, и больше. Большой-большой»; «Да на камне где-то выбит петух, под этим камнем пистолет закапан, но мы не нашли. [...] А еще говорили, кувшин появляется на камне. [...] Где-то в какое-то время появляется кувшин на пару минут»¹². Изображения петухов под камнями, под которыми захоронены клады, Н. А. Криничная истолковывает как «родовые знаки тотемистического происхождения» [4, с. 112].

Функционально эквивалентны камню в преданиях о «зачарованных кладах» гора, холм, насыпь, вал, с которыми клады связаны в шести отобранных нами текстах. В горах или холмах на Псковщине скрывали клады главным образом разбойники: именно с ними захороненные кладов связывают предания, записанные в Псковском районе (Воровская гора), в Пыталовском (Разбойница гора), Печорском (Долгая гора) районах.

По мере усиления позиций христианства в роли оберегов кладов стали выступать христианские культовые сооружения. Согласно псковским преданиям, при строительстве церкви замуровала золото княгиня Ольга, под церковью был захоронен клад в дд. Яссы и Загорье Пустошкинского района, в д. Кицково Себежского района, у часовни — у д. Старый Изборск Печерского района¹³.

«В силу древних анимистических верований» «зачарованный клад» «осмысляется как средоточие магической (возможно, и жизненной) силы его владельца и потому он запрятывается навсегда, так, чтобы никто не мог им воспользоваться, иначе его хозяин может лишиться не только магической силы, но и жизни», — пишет Н. А. Криничная [3]. С этим связана реализация в преданиях о кладах мотива не дающегося в руки сокровища. При его разработке в свои права вступает мифологическая традиция, и дается красочная зарисовка всевозможных страстей, с которыми приходится столкнуться человеку, решившемуся взять клад.

«Наверно, какая-то сила есть, которая стережет клад», — резюмирует свой рассказ Л. М. Яковлева из д. Усадище Гдовского района, и, хоть не называет прямо, что это за сила, ее характер проясняется из контекста беседы. В ответ на вопрос собирателей, как нужно себя вести, если набредешь на клад, Лидия Михайловна произносит лаконичное: «Хватай да беги!»¹⁴. В момент встречи с кладом человека пугает нечистая сила. В сюжетно развернутых текстах предание в этот момент активно использует художественный арсенал былички: «Поженилась молодая пара [...].И ей снится сон. Приходит к ней старичок и говорит: «Вот, — говорит, — ты, — говорит, — встань на Иванов день до 12 часов, — говорит, — и иди. Там на тебя клад положенный, и бери его неси, не оглядывайси. На тебя будут ругаться, на тебя будут плевать. А это кто? Черти. Тебя будут бить, тебя будут колотить. Ты не оборачивайся! Никакого худого слова не говори, ругательного, никакого, иди, иди своей дорогой прямо до дома, как ты возьмешь этот клад». [...] Муж уснул крепко, она взяла и пошла. Пошла она, смотрит такой мешочек золота, может. Она взяла этот мешочек, за спину, заложила за спину. Ее начали дергать за этот мешочек, стали ругаться, стали ону избивать, стали плевать, она все идет, идет, идет, молчит. Ни звука. Пришла домой [...]»¹⁵. Текст примечателен перечислением большинства условий, которые традиционно должны быть выполнены кладоискателем: нельзя говорить, оглядываться, ругаться; выдержано и предпочтительное для заполучения клада — межеевое время: Иванов день, 12 часов ночи — пора активного присутствия в мире людей нечистой силы, когда она особенно опасна и вместе с тем наиболее открыта.

По мнению исследователей, появление у кладов «сторожей» в виде нечистой силы связано переосмыслением клада по мере усиления христианства, когда дискредитация атрибутов язычества коснулась прежде всего образов хранителей сокровищ [4, с. 116].

«Сторожа» клада могут и не получать в преданиях образного воплощения. Но «кладоискателям начинало казаться, что на них падают камни, деревья, осыпается гора; они видели, что горит их деревня и бросались туда и т. п.; потом все оказывалось на своих местах, но клад уже был потерян навсегда» [6, с. 193]. Псковский материал содержит аналогичный пример. Согласно рассказу жительницы деревни д. Дубново Пыталовского района, местные парни решили взять на Иванов день клад, захороненный в дупле старого дуба, докопались до сундучка с золотом и начали поднимать его на шестах, но им послышалось, что волки режут оставленных в поле лошадей: «Они бросили этот клад, ага! Он никуда не уйдет. Давайте, побежимте лошадей спасать. Зарежут волки всех лошадей! Побежали, никаких волков, ничаво. Пришли, клад уже ушел, уже не достать!»¹⁶.

С утратой языческих верований выдвигаются реалистические условия, выполнение которых необходимо для желающего взять клад: клады ищут по «описи», «по книжкам, по рисункам», по карте, по составленному при захоронении плану, так, как «историк подсказал». В таком случае актуализируется характерный набор примет: «Измеряли, сколько там обязательно этих от метров... раньше сажаням как-то там от, и написан было вот это, что вот столько-то саженой и вот там закрыто»; «Приметы были такие: от ручья то ли в сторону березы, от березы столько-то шагов. Потом камень был, от камня столько-то шагов влево и вправо»¹⁷. Одновременно у рассказчиков возникают сомнения в подлинности изложенной истории: «Когда восходит солнце, и встань на одну сторону вот это, в начале Долгой горы: куда упадет тень от тебя, да вот, там клад (смеется). [...] А то встанешь, откуда ты знаешь, где там этот клад? (смеется)»¹⁸.

Если в преданиях говорится о содержании клада, то его ценность определяется обычно достаточно точно. О содержании клада идет речь в 32 из отобранных нами псковских преданий. В двух из них говорится о серебре («бочка серебра», «серебряная посуда»), в трех — о «драгоценностях», в двух — о церковной утвари, в одном — о «керенских бумажках»; в большинстве же преданий клад состоит из золота или золотых предметов (бусы и серьги из погребального инвентаря, золотой пистолет барина и т. д.). А. А. Щербаков, житель Изборска, рассказывает: «Слышать приходилось такие вещи, что Труворова могила... на Труворовой могиле имеется двенадцать бочек золота (смеется). А вторая версия, что там зарыт золотой конь, вылит золотой конь и зарыт. Ну, это все неправда»¹⁹.

В роли вместилища сокровища в псковских преданиях выступают кувшин, горшок, сундучок, бочонок. Разбойник из банды Дубровского — герой одного из преданий — рассказывает знакомому о зарытых им двух котлах с золотом: «один котел под собакой — вот собака у него была большая, а второй, — говорит, — у них там такая... Ой, забыла, как называлась — Ключиха еще там жила, в поле... И цепь. Пойдете по этой цепи и найдете котел с золотом. Котел нашли, а золото не нашли»²⁰.

Встречается на Псковщине и широко распространенный в России сюжет о затонувшей карете с драгоценностями. Согласно одной из версий этого предания, по неосторожности ящика на дно озера ушла карета с драгоценностями, что и послужило основанием для возникновения топонима Каретное озеро²¹.

Многообразие конкретных реализаций преданий о кладах обусловлено в определенной мере вариативностью захоронивших клад персонажей, различных по своему социальному статусу. Именно по персонажам традиционно и классифицируются предания этого цикла, и именно благодаря таким персонажам эти рассказы получают историческую и даже «доисторическую» приуроченность.

Иногда клады на Руси относили к очень отдаленным временам. «Какие-то жившие раньше богатыри или неизвестные народы насыпали курганы и схоронили в них золото» [6, с. 197]. На Русском Севере в качестве таких народов в преданиях фигурируют чужь и

«паны». Псковский материал дает лишь один пример приурочения клада к «доисторическим» временам: некий царь Давыд «в старину» зарыл в горе, давшей название деревне Давыжьей Гора, кувшин с золотом, после чего «как-то так в это в гору, мол, в кареты и въехал»²².

Гораздо чаще на Руси клады связывались с войнами и вражескими нападениями. Однако в фольклорном архиве ПсковГУ содержится единичная запись такого предания, к тому же не развернутого сюжетно и представляющего собой информацию о кладах, заложенных в годы войн России с Польшей или шведами²³. В пяти текстах в качестве персонажей — владельцев кладов фигурируют древние первопоселенцы — «дровичи или кривичи», «старинные, древние люди»²⁴; в семи преданиях в этой роли выступают разбойники. С деятельностью разбойников клады связывались повсюду на Руси, и это понятно: по народным представлениям, в руках разбойников оказывались огромные ценности, которые нужно было где-то прятать. «В них очень много было кладов», — замечает рассказчица из д. Дубново Пыталовского района. По мнению специалистов, в отличие от первичных по происхождению преданий о кладах, приуроченных к аборигенам края, предания о разбойниках сравнительно поздние по хронологии и вторичные по происхождению [4, с. 110]. На генетическом уровне разбойники преданий о кладах обнаруживают черты древних «хозяев» земных богатств, поскольку выступают в роли распорядителей клада [6, с. 205], когда, например, указывают сторонним лицам его местонахождение.

В единичных случаях псковские клады приурочиваются к историческим лицам — княгине Ольге и Александру Невскому. Наибольшее же число преданий (15 текстов) называют владельцами кладов местных жителей: чаще всего это барин, священник, зажиточный мужик, в единичных случаях — пан и мельник.

С разрушением традиционных представлений о кладе и связанных с ним верований в преданиях разрабатывается мотив овладения кладом как несметным богатством. В большинстве псковских преданий сокровища имеют не магическое, а утилитарное значение. Касаясь дальнейшей судьбы клада, рассказчики, как правило, отмечают, что нашедший клад построил дом, купил машину, вставил себе золотые зубы. Очевидно, что с кладом связывали надежды на избавление от нужды.

Целый ряд рассказов о кладах не был принят во внимание в рамках данного исследования, поскольку они не имеют исторического приурочения, в них нет опоры на традиционную поэтическую систему, отсутствуют традиционные мотивы, и повествование в целом тяготеет к жанру бытового занимательного рассказа, анекдота. Таковы рассказы о том, как кто-то увидел, что зарывают деньги, подслушал заклятие («на сто голов»), изменил его («на сто колов») и взял деньги себе²⁵. Таков же широко распространенный в России рассказ о двух братьях — богатом и бедном. Богатому приснилось, что на холме зарыт клад, он стал звать бедного копать, но тот отказался, ответив: «Если Бог не даст, так рой не рой, а все равно не найдешь». «Богатый рассердился и пошел копать один, но ничего, кроме дохлой кошки, он не нашел. В сердцах он схватил эту дохлую кошку и бросил в окно бедному брату, а она рассыпалась на деньги. Бедный сказал: «Правду я сказал, вот Бог и дал»»²⁶. Такое изображение богатого и бедного братьев, при котором в конце награждается бедняк, характерно для бытовых сказок. И несмотря на то, что этот рассказ передавался как действительное происшествие, он не прикреплялся к конкретному месту и лицам.

Таким образом, цикл псковских преданий о кладах включает в себя многообразные конкретные реализации сюжета, что обусловлено вариативностью персонажей — владельцев кладов, места захоронения и характером самого клада — реального или мифического, «зачарованного». Исследование материала показывает, что в произведениях данного цикла отмечается переплетение реалистической и мифологической традиций, следствием чего становится взаимодействие жанра преданий с жанром быличек; в то же время ослабление веры в заклятые клады приводит к тому, что повествования о кладах нередко принимают форму бытовых рассказов, анекдотов и сказок.

Примечания

- ¹ Зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.; зап. от Л. М. Яковлевой, 1929 г.р., в д. Усадище (Спицинской вол.) Гд. р-на – ФА ПсковГУ за 2004 г., т. 2, л. 97 об.–99 об.
- ² Там же. Мотив вешего сна реализуется также в предании, записанном от Т. И. Васильевой, 1937 г.р., в д. Кривошляпы (Ильинской вол.) Красн. р-на – ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 4, л. 5 об.–6.
- ³ Зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.
- ⁴ Зап. от А. А. Яковлевой 1930 г.р., в д. Хлеборадово (Чернецовской вол.) Дед. р-на – ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 1, л. 21–21 об.
- ⁵ Зап. от С. А. Щербакова, 1935 г.р., в д. Изборск (Изборской вол.) Печ. р-на – ФА ПсковГУ за 2000 г., т. 5/1039, № 2.
- ⁶ Зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.
- ⁷ Зап. от Л. И. Черновой, 1960 г.р., в д. Старый Изборск (Изборской вол.) Печ. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 5, л. 14–5.
- ⁸ Зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.
- ⁹ Зап. от Т. Ф. Николаевой, 1928 г.р., в д. Глушь (Полновской вол.) Гд. р-на – ФА ПсковГУ за 1991 г., т. 3, № 50; зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.
- ¹⁰ Зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.
- ¹¹ Зап. от М. Д. Степановой, 1922 г.р., в д. Зубы (Граинской вол.) Красн. р-на – ФА ПсковГУ за 1994 г., т. 1, № 33; зап. от В. П. Белогеловой и Н. И. Белотелова в д. Гришино (Мостищенской вол.) Себеж. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 5, № 42.
- ¹² Зап. от Т. И. Васильевой, 1937 г.р., в д. Кривошляпы (Ильинской вол.) Красн. р-на – ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 4, л. 5 об. – 6; зап. от П. Мажарова, 1965 г.р., в д. Рыжаково (Купуйской вол.) В.-Л. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 1, № 34.
- ¹³ Зап. от М. И. Екимова, 1909 г.р., Е. И. Екимовой, 1914 г.р., в д. Раздолье (Тямшанской вол.) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 1990 г., т. 3, № 12; зап. от В. Т. Садовниковой, 1942 г.р., в д. Холюны (Алольской вол.) Пуст. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 4, л. 118 об.–119; зап. от Д. А. Голяковой, 1922 г.р., в д. Шумихи (Алольской вол.) Пуст. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 5, л. 97 об. – 98; зап. от Е. И. Зарецкой, 1939 г.р., Л. И. Зарецкого, 1938 г.р., в д. Дорбыши (Максютинской вол.) Себ. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 5, № 66; зап. от Л. И. Черновой, 1960 г.р., в д. Старый Изборск (Изборской вол.) Печ. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 5, л. 14–15.
- ¹⁴ Зап. от Л. М. Яковлевой, 1929 г.р., в д. Усадище (Спицинской вол.) Гд. р-на – ФА ПсковГУ за 2004 г., т. 2, л. 97 об. – 99 об.
- ¹⁵ Зап. от А. М. Логиновой, 1914 г.р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Зап. от Е. В. Алексеевой, 1920 г.р., в д. Давыжьё Гора (Москвинского с/с) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 1992 г., т. 7, № 43; зап. от О. В. Ефимовой, 1928 г.р., в д. Тиней (Митрофановской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 1, л. 3–4.
- ¹⁸ Зап. от С. А. Щербакова, 1935 г.р., в д. Изборск (Изборской вол.) Печ. р-на – ФА ПсковГУ за 2000 г., т. 5/1039, № 24.
- ¹⁹ Зап. от С. А. Щербакова, 1935 г.р., в д. Изборск (Изборской вол.) Печ. р-на – ФА ПсковГУ за 2000 г., т. 5/1039, № 1.
- ²⁰ Зап. от Н. А. Васильевой, 1921 г.р., в г. Пскове – ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 9, л. 1–2.
- ²¹ Зап. от Г. П. Платонова, 1956 г.р., в д. Сельцо (Середкинской вол.) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 2006 г., т. 1, л. 46.
- ²² Зап. от Е. В. Алексеевой, 1920 г.р., в д. Давыжьё Гора (Москвинской вол.) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 1992 г., т. 7, № 43.
- ²³ Зап. от С. Ф. Филимонова, 1929 г.р., в пос. Идрица (Идрицкой вол.) Себ. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 1, № 200.
- ²⁴ Зап. от В. Е. Ивановой, 1929 г.р., в с. Ляды (Лядовской вол.) Плюс. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г.,

т. 1/1079, л. 10 об.– 1; зап. от А. М. Логиновой, 1914 г. р., в д. Дубново (Жоговской вол.) Пыт. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 15, л. 74–81 об.

²⁵ Зап. от Т. А. Кабановой, 1931 г. р., в д. Никулино (Лычевской вол.) В. Л. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 1, № 99.

²⁶ Зап. от О. В. Ефимовой, 1928 г. р., в д. Тиней (Митрофановской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 1, л. 4–5.

Литература

1. Аристов Н. Я. Предания о кладах // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 1. СПб., 1867.
2. Витевский В. Н. Клады и кладоискание на Руси. Казань, 1893.
3. Криничная Н. А. Предания Русского Севера: [Исслед. и тексты]. СПб.: Наука, 1991 // <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/1.htm>
4. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987.
5. Смирнов В. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 26. Кострома, 1921.
6. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970.